

Литературная газета

№ 31 (522)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Среда, 5 июня 1935 г.

На родине Чехова

— Что будут делать дети и внуки? — спрашивала чеховского врача-беседница.

— Не знаю, должно быть побродячат все и уйдут.

— Куда?

— Да куда угодно, — объяснял врач, может быть, сам Чехов.

Со времени этого разговора прошло полвека. Дети стали дедами, внуки — взрослыми людьми, поколением, делающим свое время.

Вышедшие из страны, из действительности, воспитавшей Чехова, отравившей Чехова, вышедшие из Таганрога — собрались вместе деды, сыновья и внуки, собралось несколько поколений благоговейно склонить головы перед памятью Чехова. Сехалась бывший таганрогский рабочий, ныне уполномоченный Комиссии советского контроля в Харькове — Шабановский и бывший таганрогский гимназист, заслуженный деятель искусств Вишневский. В юбилейный день таганрогское радио слушали одновременно бывший партизан Ефим Щаденко, начальник Военной академии, и Георгий Димитров, в юбилейный день городу прислали приветствия Сталина и Леонов, к юбилейному дню спустил на воду свой огромный, почти двухметровый пароход 16-летний конструктор Костя Павлов, ученик школы, в которой в свое время учился Чехов, в юбилейный день токаря и слесаря завода им. Сталина в Таганроге — изыскившие, стройные девушки выступили в танцах Айседоры Дункан. В юбилейный день лучшие ученики школ Таганрога выехали в Азовское море проводить игру в «челюскинцев», и толпы людей штурмовали открытый к юбилею музей Чехова в Таганроге, не всегда без удивления прочитывая заявление Льва Толстого:

— Чехов — это Пушкин нашей прозы. Он необычайно много сделал для формы.

Читатели «Литературной газеты», вероятно, уже ознакомились из ежедневных газет с ходом отпразднованного в Таганроге 75-летнего юбилея со дня рождения А. П. Чехова. Поэтому мы не станем рассказывать о изумительных превращениях скучного чеховского городка в огромный индустриальный, утопающий в садах и аллеях, вымощенный, белый, залитый солнцем и бодростью социалистический город. Мы не будем рассказывать и о том, как трогательно переживали свои впечатления возбужденные неожиданностью, их во-

визной и яркостью сверстники Чехова — его жена, его сестра, Вишневский, Москвин и михайловская молодежь. Там, в Таганроге, каждый невольно вспоминал затерявшиеся в памяти фразы из писем Чехова, из его рассказов, из разговоров с ним о родном городе, в котором Чехов не видел ни одного честного человека, в котором он мечтал увидеть водопровод, трамвай.

Там, в Таганроге, каждый невольно, казалось, трепетал от волнения, узнавая, что гигантский цех целлюлозных труб металлургического завода строили все рабочие города, отдавая строительству свои выходные дни, что по почтам домохозяйки, соревнуясь, разбивали газоны перед домами, и каждый из нас простодушно «ахал», видя скульптуры на перекрестках улиц, на перекрестке аллеи парка, которого не было и быть не могло во времена Чехова.

Но там же, в Таганроге, напылались воспоминания о чеховской современности, о жизни, почти полтора десятилетия лет таявшейся и после смерти Чехова. Вспоминался Суворин, сотрунивший у которого вынужден был Чехов, всеподлашее «Новое время», где долго печатался Чехов и откуда бежал он во время дела Дрейфуса, как бегут из трясины, из ямы, полной удушливых газов. Чехов умер, а нововременские философы еще долго продолжали совскими глазами разглядывать мир и родственный Розанов каргал:

«Мертвая страна, мертвая страна, мертвая страна. Все неподвижно и никакая мысль не прививается».

Розанов пережил Чехова и записывал в своем дневнике:

«Много есть прекрасного в России, — 17-е октября, конститутция, как спит Илья Павлович. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (уход Садовой и Невск.). Рыбки, груши, какие-то в роде яблочков, брусника — разложены на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковички. И образцы капусты. И нити белых грибов на всякое дворянство. И через страницу: «Дешевые книги — это некультурность. Книжки должны быть дороги. Это не вода».

Теперь в громе и лаге металлургических и инструментальных цехов, над раскаленным металлом, пылушим по пальцам умнейших машин, над фикусами в стеклянных вращающихся будках мастеров, мы видим органически вросшие в жизнь

Н. Изгоев

неха язвительные и гневные слова Чехова, пытался из его рассказов. В многотиражке «Вальцовка» рядом со статьей о колебаниях сроков износа наложниц, переведенной заводским инженером из специального американского журнала «Бласт Фернст-энд стэл плант», мы видели чеховский рассказ «Унтер Пришибеев». И в комплекте этой многотиражки во всю ширину полосы мы читали слова, противопоставленные идеологии чеховских персонажей и чеховской эпохе, слова великого и мудрого вождя нового человечества о самом ценном из капиталов — о людях.

Там, в цеху, за стенами которого праздновал советский город свою непохожесть на чеховский город, мы подумали, что, возможно, в «Голубой книге» Зоценко скоро прочитаем историю о советском чиновнике, умершем от испуга из-за того, что чихнул на голову начальства, что может быть рядом в 5-й школе Таганрога директор Закруткин, разгоняющий лучших людей школы, вероятно, и есть пережиток Беликова.

И вспоминался ряд душечек, учителей Победимских, надзирателей Очумеловых и из этого ряда воспоминаний вышла черная ночь, проведенная мною недавно в глухом горном ауле Итуп-Кале, в Чечено-Ингушетии.

Меня приютили местный врач и жена его — аптекарша, она же и зубной врач. Вечером в устье с гор пришел розовошпек альбинос-агроном. Так собралась вся русская колония района. Они нетерпеливо спрашивали о яфетической теории Марра, о германских делах, а я вычитывал у них волнующие факты отмирания старого быта у горцев, торжества горных плужков и урожая кукурузы, впервые посеянной рядовой селянкой. Доктор, закинув ногу за ногу, рассказывал, как ему недавно пришлось делать трепанацию черепа обыкновенным винжом, ночью, при свете костра, на дворе

аула, размещенного в трех циклопических башнях древнейшего происхождения. Он рассказывал о кровной мести, прекращенной по просьбе врача, и смельчаках, ползущих на ледники, чтобы принести льда для умирающего чужого человека.

В это время на огонек зашли председатель рика, прокурор, заведующий почтой. На кухне запахло бараниной. Стали накрывать стол. Я отвлекся от разговора и копнулся в стопке книг на этажерке. Видимо тень усмешки или радости пробежала по моему лицу, когда я наткнулся на разбросанную книжонку Чехова марковского издания. Доктор перехватил мою улыбку, взял книжку и сочно, наслаждаясь, стал читать собеседникам страшный рассказ о том, как ветераны сходились единственные культурные люди деревни — почтмейстер Михаил Аверьяныч из разорившихся дворян и доктор Андрей Ефимыч и под водку беседовали о смешных и пустых вещах.

Наши собеседники вначале очень внимательно слушали, а потом заскучили, и агроном, встряхнув льяным хохломом на голове, сказал:

— Думаю я, выдумка это.

— Конечно, — охотно подхватил председатель рика, чеченец: писатели — они выдумывают. Скажи, пожалуйста, какой это доктор, какой это почтеник! Да мы бы таких из

района в один час выгнали. Какие это культурные люди?! — начал горячиться председатель.

— Но это было давно, — до революции, — осторожно сказал врач.

— До революции? — переспросил молодой агроном с таким видом, словно речь шла о временах Ноева потопа.

— До революции? — председатель рика задумчиво покрутил усы. — Не знаю, до революции у нас не было ни почты, ни школы, ни больницы, ни агронома, — ничего не было. Как будто и жизни не было.

Когда я вспоминаю этот эпизод, мне кажется, что чеховская тема исчерпана, что его потрясающие рассказы, которые во Франции ценят выше мопассановских, можно читать как художественный документ истории. Так нумизмат перебирает древние редчайшие монеты, так археолог развешивает санскритский папирус. Но там же, в Таганроге, на ошеломляющей талантом и изобретательностью детей выставке детского творчества, приуроченной к юбилею Чехова, когда мы попросили школьницу рассказать нам о птичьих чучелах, какой-то долгоязычный тупица-учитель крикнул:

— Не слушайте девочку! Она наврет! Я вам расскажу.

Тогда опять показалось, что Чехов еще не исчерпан.